

Актуальные нужды словарной теории и практики в современной стилистике

ТАТЬЯНА Г. ВИНОКУР
(Москва)

В современной стилистике все более настойчиво обсуждается вопрос о необходимости составления стилистических словарей. Но что следует понимать под названием *стилистический словарь*? Очевидно, что такое название подходит и к словарям стилистических терминов и к словарям стилистических ресурсов того или иного языка. В первом случае — стилистический словарь должен быть поставлен на службу теоретической стилистики, во втором — практической (в том числе — нормативной). Следовательно, два эти типа словаря будут соотнесены между собой так же, как соотносятся база теоретическая база и ее практическое применение в любой другой научной области. Однако, это соотношение может быть обеспечено адекватно лишь в том случае, если исследователь располагает единой терминологической системой, которая может быть приложима ко всему корпусу стилистических явлений, характеризующих данное языковое объединение. И, в свою очередь, указанный корпус явлений способен быть обнаруженным, когда в наличии имеется непротиворечивая система терминов и понятий, его обозначающих. Следовательно, возникает антиномия первичности и вторичности лексикографических задач, невозможность их удовлетворительного решения одновременно с двух сторон: языковой и метаязыковой.

Целесообразно, в связи с этим, говорить о трех методологических направлениях словарной работы, имеющей дело с категориями стиля: 1) фиксация стилистических явлений в реальном языковом употреблении

и выведение из них (или придание им, что одно и то же в данном случае) дефиниций, которые укладываются в терминологическую систему *ad hoc*, применительно к характеру наблюдаемых фактов;

2) опора на существующую в том или ином направлении стилистических исследований терминологическую систему с целью приспособить к ней классификацию полученных, в результате анализа, языковых фактов;

3) выбор такого стилистического материала, который может получать разные терминологические определения, а сумма или противопоставление этих определений обеспечивают объективную разносторонность в познании максимально полного объема дифференциальных признаков, указывающих на стилевую принадлежность языкового факта.

Последнее направление удобно для изучения ключевых понятий, называемых разными терминами. Ср. термин *стилистическое значение* с терминами типа *стилистическая окраска (окрашенность)*, *отмеченность (маркированность)*, *значимость*, *принадлежность*, *коннотация* и пр.

Само наличие разных терминологических возможностей, образующееся в других лингвистических дисциплинах при возникновении новых теорий, — в стилистике имеет уникальную причинность и связано со спецификой становления лингвостилистики как отдельной науки. В частности, с той парадоксальной ситуацией, что в ней отсутствует однозначное и общепринятое представление о предмете изучения. Это в большой степени обусловлено борьбой за сферы стилистического влияния между языкознанием и литературоведением, отголоски которой до сих пор мешают формированию терминологического аппарата в данной области знания.

Этим обстоятельством объясняется правомерность для настоящего момента в развитии стилистики мысли о том, что создание словаря стилистической науки о языке должно предшествовать созданию словарей стилистической дифференциации самого языка. И наиболее плодотворным в этом случае может оказаться путь, который в свое время был избран В.В.Одинцовым (безвременная кончина этого талантливого ученого не позволила нам увидеть его замысел завершенным), а именно: аккумуляция возможно большего количества терминологических определений, принадлежащих разным школам, сопоставительный анализ которых дает исследователю, пользующемуся таким словарем, возможность творческой селекции и вариативной комбинации терминологических систем.

текстные свойства того или иного компонента стилистического значения (как созначения) очевидно, следует давать в качестве интродукции. Ср. разного рода уменьшительно-ласкательные словообразовательные единицы типа:

- 1) уменьш.-ласк. — системный компонент стилистического значения в слове *мамочка*;
- 2) эго стилиеобразующее средство — словообразование + лексикализация, а далее статья содержит указание на особенности употребления;
- 3) нейтрально-этикетное: *Мамочка*, дай мне, пожалуйста, воды;
- 4) то же, но с усилением интимно-фамильярного оттенка в случае ксеноденотации (преим. в разговоре с ребенком, как выражение отношения к нему): Сейчас *твоя мамочка* придет;
- 5) эмоциональное употребление: Моя *мамочка* — самая лучшая, самая добрая!
- 6) ироническое употребление: Ну вот что, дорогая моя *мамочка*, я уже давно стал взрослым, а ты и не заметила;
- 7) фамильярно-шутливое употребление, устар.— только в обращении мужчины к мужчине (Чехов, Горький, см. толковые словари русского языка);
- 8) междометное эмоциональное употребление — только мн. ч.: *Мамочки мои*, как я устала!

При соответствующей обработке стилистически значимой лексики русского языка в его современном состоянии постепенно должен вырисоваться тот корпус характеристик, который отражает современный стилистический узус — т.е. закономерности языкового употребления в определенном обществе и в определенную микро-историческую эпоху. Узуально-стилистическая характеристика словарной единицы строится на последовательной взаимозависимости компонентов стилистического значения. Если например, слово *драить* (у моряков — *драить люк, задраивать* паруса ‘туго натягивать, плотно закрывать’) или вовсе отсутствует в толковом словаре, или дается без пометы, или отмечается как „спец.”, то соответствующая статья в узуально-стилистическом словаре обязана пометить первое употребление как „спец.” (*драить паруса*); второе, переносное, (*драить* ‘хорошо, чисто мыть, скоблить’) как „разг.”; третье, формирующееся регулярным сопровождением второго употребления эмотивным оттенком-свойственным фамильярно-бытовой сфере разговорной речи ненормативного (нелитературного) типа — как „сниж.” (сниженное).

Однако, как представляется автору этих заметок, в настоящее время не менее, если не более актуальным (в русистике, во всяком случае) предприятием является индуктивно-эмпирическое накопление материала для создания стилистического словаря, который мог бы послужить образчиком использования категориальных свойств стилистики как синхронной науки, основанной на сопоставлении прежде всего. Именно такой тип словаря со всей определенностью обнаруживает предметное единство лингвостилистического анализа, воплощенное в языковом употреблении.

Соответственно для стилистического словаря, посвященного своему предмету, актуально сформировавшееся в современной лексикографии представление о двух разных объектах описания равных двум разным реальностям — значение языкового элемента и способ его употребления. Ср.: Рей-Делесаль (1983: 264-265 и сл.), где эти два феномена трактуются как взаимодополняющие семиотические аспекты, отвечающие „метасемиотичной” природе словарной статьи, если речь идет об одноязычном толковом словаре. Одна из этих реальностей до сих пор всегда оставалась в подчиненном положении, поскольку теоретические предпосылки и одноязычной толковой, и двуязычной славянской лексикографии (см. Копецки 1973), как правило, ориентированы на семантику. Это происходило не потому, что феномен употребления плохо поддается лексикографическому описанию, а потому, что правила последнего могут быть корректно сформулированы с социо-коммуникативно-стилистических позиций, представляющих собой явление прагматического плана, имеющего чисто коннотативный статус.

Преодоление скепсиса по отношению к сумме признаков, вычлениющихся при следовании этой позиции, может состояться в двух случаях: при осуществлении дифференцирующего, собственно стилистического подхода к словарным определениям, т.е. отказа от экспликации только одной стороны дела выводимости закономерностей употребления языкового факта из его семантической структуры, в то время как одновременно идет встречный процесс образования значения слова на основе множественных свойств его употребления. При этом система так называемых „помет” становится центральным звеном словарной статьи, а толкование механизма однозначности или многозначности слова имплицитно. Тем самым система помет структурируется как облигаторный каркас для композиции словарной статьи: например, системные, внекон-

Также узуально-стилистический словарь должен содержать дефиницию, отражающую меру адекватного коллективного и индивидуального начал в языковом употреблении (ср. у Тургенева в рассказе *Петр Петрович Каратаев*: „его небольшие глазки глядели и только”, где слово выражает больше, чем обозначает), то есть касаться не только системно-языковой классификации стиля как имманентной сущности, но и деятельностной стороны — „стиля тех, кто говорит и пишет” (Г.О.Винокур), включая эстетические коннотации художественной речи.

Второй случай — это осуществление интегрального описания языка в словаре толкового типа (см. Апресян 1986). Такой словарь, по мысли ученых, должен, помимо всех типов лексической информации, касающейся семантики слова, иметь выход в прагматику и коммуникацию. Последние аспекты естественным образом касаются языкового употребления, то есть, согласно нашим взглядам, стилистики. Но ни у Ю.Д.Апресяна, ни у других авторов стилистическая информация не называется в числе самостоятельных типов, который и является главенствующим с точки зрения языкового отбора, представляющего материал прагматике и коммуникации.

Эту главенствующую роль в лексикографическом описании языкового употребления бесспорно мешает понять сложившаяся традиция видеть в стилистических данных основу лишь для достаточно бессистемных, и иногда даже окказиональных, помет. И в течение длительного времени лингвисты мирились (и мирятся до сих пор) с тем, что стилистические пометы в разных словарях не только свидетельствуют о разных принципах систематизации данных (или их отсутствии вообще), но и с тем, что это ведет к искажению картины русского литературного употребления и в синхронии и в диахронии. То, что в одних словарях признается нейтральным языковым слоем, то есть годным для неограниченного функционально употребления, — в других словарях имеет помету „книжное”, без указания на время и причины подобного изменения, если таковое действительно состоялось. Ср., например, судьбу помет при словах *излечить, умерщвлять, порицание, ринуться, упиваться* и пр. в 4-томном толковом словаре русского языка под ред. Д.Н.Ушакова, 17-томном акад. словаре и 4-х томном акад. словаре, которые в макро-историческом смысле отражают одну эпоху развития языка. Это свидетельствует о том, что в лексикографической практике не сложилось представление о краткосрочности действия законов стилистического узуса и о необходимости их отражения при рекомендациях

к правильному, нормативно, ситуативно и экспрессивно, словоупотреблению.

По всей вероятности, если иметь ввиду т. наз. интегральное описание лексической единицы в толковом словаре, конечная цель которого видится все-таки в рекомендациях к правильному употреблению — через правильное понимание значения того слова, которое предстоит употребить — должна быть введена регулярная стилистическая информация (а ее отсутствие может свидетельствовать о „гипермаркированности” слова), которая способна принять следующие формы.

1. Или это специальный, отдельный пункт словарной статьи, в котором указывается стилистическое значение (созначение) слова, имеющее семантический (всякое стилистическое явление имеет семантические последствия и наоборот — Ст. Упльман), прагматический, коммуникативный и, следовательно, социально-психологический, генезис. Например: *дрьхнуть* ‘крепко спать’. Сема ‘крепко’ входит лишь в стилистическое значение, тогда как основное нейтральное значение этого слова в словарях дается как ‘спать’ (нельзя сказать: „ты что-то плохо *дрьх*, все время просыпался, мешал мне спать”). *Дрьхнуть* — это ‘спать без задних ног’ (*дрьх без задних ног* ‘очень крепко спал’), т.е. не только крепко, но особенно крепко (возможно, с храпом, или очень долго, или не во-время, или в непопознанном месте) — то есть так, как спит тот, к кому говорящий не испытывает высоких чувств, и относится „сверху — вниз” : „Уже ехать пора, а они все *дрьхнут*, *лодыри*”). *Дрьхнуть* — это сниженная номинация, возможная лишь при неофициальных (скорее, фамильярных) условиях общения. *Дрьхнуть* — это эмоционально-экспрессивная номинация, употребительная в таких условиях общения, когда нормативный и этикетный запрет на грубость минимален и говорящий волен свободно эксплицировать свои чувства. *Дрьхнуть*, как грубовато-вульгарная номинация может, без специального эмотивного задания, служить вполне нейтральной, с точки зрения говорящих или слушающих, интенции в просторечном обиходе, т.е. в общении людей, не владеющих нормативно-литературной речью.

2. Или же (другая форма) — эта информация может быть дана не отдельным самостоятельным пунктом, названным „стилистическое значение” и имеющим вышеуказанные составляющие, а присовокуплена к семантическим, прагматическим и коммуникативным параметрам. Добавим, что отдельные элементы, например, грамматической информации

также могут быть сопровождаемы специальной пометой из области стилистического сознания. Например, ослабленные возможности сочетаемостного плана по сравнению с нейтральным синонимом слова *дряхнуть* — *спать* (сладко спал, безмятежно спал, но *сладко дрях, безмятежно дрях* — нормативны не в полном объеме и создают стилистический контраст: прием, благодаря которому увеличивается экспрессия высказывания и уменьшается необходимость его регулярного и частотного использования).

И в том и в другом случае — при дифференциальном подходе к составлению узуально-стилистического словаря и при намерении осуществить интегральный принцип словарного описания лексики — информация, включающая стилистически значимые элементы характеристики лексикографического плана должна быть регулярной и иметь типовую структуру. А типовая структура предполагает владение типовой терминологией. И здесь мы возвращаемся к вопросу о том, „что было в начале — курица или яйцо”. Безусловно, терминологический репертуар зависит от задач словаря и от предмета, который он толкует. Однако, отработанная на примере узуально-стилистического словаря дифференциальная система стилистических характеристик может затем быть применена в любых других случаях: важно лишь соблюдать последовательность их подачи, чтобы избежать немотивированной терминологической тавтологии.

Как кажется, в одной только области стилистики сохранилась устойчивая классическая терминологическая традиция: в описании тропов и фигур. Вся остальная неподконтрольная, область выразительного использования окрашенных особым стилистическим значением элементов, как в художественных, так и в нехудожественных текстах, при всей многогранной разработанности стилистической проблематики в наше время (а, может быть, именно вследствие этой многогранности) ждет еще пока более или менее однородного терминологического аппарата, который бы мог охватить именно коммуникативно-прагма-стилистическую реальность, именуемую стилистическим узусом. К настоящему моменту развития стилистической науки, скорее всего, это понятие обладает удовлетворительной содержательной глубиной в большей степени, чем другие понятия (например: функциональный стиль, стиль языка и стиль речи)

Замкнутость внутри системы, получающей лишь лингвистическую интерпретацию, больше не идет на пользу стилистике. Здесь необходим выход в социо-психологические реалии, во множественность конституаций и интенций носителей языка. В этой связи целесообразна индуктивная крайность, ведущая исследователя от индивидуальных особенностей (типы текстов, ситуаций, коммуникативных намерений, психологических состояний и социальной стратификации) к типологическим закономерностям использования языка в данном обществе. Сейчас уже стало ясно, что традиционный набор (очень скупой) функциональных и эмотивно-экспрессивных языков недостаточен для такой работы. Откуда черпать их пополнение?

Г.О.Винокур писал: „В исследовании любого научного понятия возможны два пути. Один путь — это изучение истории термина. Сопоставляя различные значения, которые вкладывались в истории науки в данный термин, можно пытаться свести все эти значения в некоторое единство или произвести между ними известный выбор и так получить искомое определение. Этот путь не всегда бывает более удобным. Есть некоторые термины — к их числу всецело принадлежат термины *стиль* и *стилистика* — употребление которых отличается такой неопределенностью и разногласиями, что попытка извлечь из этого хаоса определений и формулировок что-либо отчетливое, цельное и единое, хотя бы она в конце концов и удалась, всегда связана с риском сбиться с толку и остаться без собственного знания. Лучше поэтому просто „забыть” все, что сказано по поводу интересующего нас предмета в книгах и словарях и постараться овладеть содержанием этого предмета путем самостоятельного и непосредственного проникновения (разрядка моя — Т.В.) в его сущность. За мнениями других всегда останется ценность удобных иллюстраций и наводящих указаний. Но если мы действительно хотим сами понять то, что изучаем, то мы должны подойти к нашему предмету так, словно мы его впервые заметили. Надо полностью освободиться от груза неясных традиций и сомнительных теорий, чтобы ничто предвзятое не мешало нам увидеть изучаемый предмет собственными глазами и понять его собственным разумением так, как он есть” (*Из архивных заметок по стилистике*).

Упомянутая в этом фрагменте разногласия в стилистической терминологии, по всей вероятности, сейчас еще более усилилась, по сравнению с началом 40-х годов, когда были сделаны эти заметки. А, следовательно,

положение, если и изменилось, то к худшему. В то же время вторгаться в традиционные стилистические области с новым терминологическим аппаратом было бы неразумно, так как перед стилистикой на очереди стоят новые познавательные задачи. В нашем представлении они связаны, как уже было сказано, с фронтальным выходом в область „внешней” лингвистики и смежных с нею гуманитарных наук. Такой выход представляет исследователю неограниченную возможность взглянуть на изучаемый предмет новыми глазами, „так, словно мы его впервые заметили”. А это — благодатное поле для формирования адекватной терминологической системы, которая сможет обслужить новый виток в развитии лингвистической теории и лексикографической практики, ее обосновывающей.

Литература

- Апресьян Ю.Д., 1986, *Интегральное описание языка и толковый словарь*, „Вопросы языкознания”, № 2.
- Копецкий Л.В., 1973, *Теоретические предпосылки двуязычной славянской лексикографии*, Москва.
- Рей А., Делесаль С., 1983, *Проблемы и антиномии лексикографии*. — Новое в зарубежной лингвистике, вып. XIV, Москва.

The Current Needs of Lexicographical Theory and Practice in Stylistics

We can indicate three trends in lexicographical work regarding the stylistic notions:

- 1) the registration of the style's phenomena in the real linguistic usage and the creation of definitions which would form a terminological system ad hoc;
- 2) starting from the terminological system existing in particular trend of styles' research in order to adjust it to the results of an analysis of the linguistic facts;
- 3) the comparative analysis of various definitions, which is to ensure a sufficiently objective and comprehensive characterization of a style's phenomenon.

The authoress distinguishes among stylistic dictionares:

- the dictionares of stylistic terms (for theoretical stylistics),
- the dictionares of style's means (for practical stylistics).